

Университет как опыт изменений

Считается, что американское образование является лучшим в мире в настоящее время, большинство американских университетов входит в первую десятку или двадцатку ведущих мировых университетов. Почему это происходит, я смогла убедиться на личном опыте, пройдя в 2010 году конкурс программы усовершенствования преподавателей вузов (Faculty Development Fellowship Program, FDFP) Института Открытого Общества. Программа предназначалась для вузовских преподавателей в области социальных наук стран Центральной Азии, Кавказа и Монголии. Конкурс состоял из трех этапов и включал конкурс документов, тест на знание английского языка и собеседование.

Условия программы предполагали прохождение семестровой стажировки в американском университете в течение трех лет. Университет можно было найти как самостоятельно, так и при помощи менеджеров программы. Университет определялся тогда, когда участник программы получал подтверждение от профессора того или иного университета на то, что он согласен быть руководителем грантера. Я получила приглашение от профессора из университета Кентукки, заведующего кафедрой по образовательной политике и оценке. У меня уже был опыт стажировок в престижных вузах США и поэтому я решила поехать в маленький городок Лексингтон, где находился университет Кентукки. В дальнейшем я ни разу не пожалела о своем выборе и все три года летела в этот город и университет, где каждый раз открывала для себя много нового, изучая образование, ислам, гендер, социолингвистику и методы исследования, а также совершенствовала свой английский язык в социальных науках. Мой рассказ о трех годах программы – это рассказ о том, как образование меняет человека. В этом и состоит смысл образования как такового, и почему образование становится одним из основных социальных институтов в XX веке, и как оно влияет на устойчивое развитие общества в веке XXI.

Год первый: «Чтобы всплыть на поверхность, нужно сломать свой разум»

Возможно, название для первого года звучит немного алогично, но только так я могла бы передать свои чувства и переживания от моего первого учебы в университете Кентукки. Основные чувства, которые сопровождали меня в течение всех четырех месяцев пребывания в этом университете, были сродни тому, что меня бросили сразу на глубину моря, что представлял собой тяжелый кропотливый учебный процесс в американском вузе. И чтобы не утонуть и не потеряться-затеряться в этом крутом водовороте, нужно было буквально сломать свой разум для того, чтобы всплыть на поверхность. Можно сказать, что эта «ломка» продолжалась весь первый год программы. Конечно, были люди, помогавшие освоиться в незнакомом пространстве, но основную работу приходилось делать самой и для этого пришлось приложить титанические усилия.

Небольшое отступление о самом университете. Университет Кентукки является государственным исследовательским университетом, насчитывающим свыше 25-26 тысяч студентов, из которых 5-6 тысяч являются магистрантами и докторантами. Сам город Лексингтон, где находится данный университет, насчитывает около 250 тысяч населения, и где располагаются два университета общей численностью 36-37 тысяч студентов. В то же время, университет Кентукки является основным работодателем в городе, о чем я как-то прочла в одной студенческой газете. Кампус университета прилегает к центру города, куда попасть можно было легко и быстро.

Программа состояла в следующем: у каждого участника был руководитель, профессор университета, который рекомендовал посещение тех или иных курсов. Также предполагалась работа грантера над своим проектом, работа в библиотеках университета, консультации и встречи с другими профессорами. Можно было посетить конференции в других университетах, на что выделялось отдельное ограниченное финансирование.

В первый год программы у меня было пять курсов: Сравнительное образование; Глобальное образование, СМИ и популярная культура; Семинар по высшему образованию; Политическая мысль ислама; Вопросы социолингвистики в современной России и странах бывшего Советского Союза. Сразу следует сказать, что брать такое количество курсов на один семестр крайне нежелательно. Об этом меня предупреждал мой руководитель, но я его опрометчиво не послушалась, мне было интересно всё и было огромное желание узнать, как можно больше. Я думала, что смогу освоить и больше, но позднее я поняла правоту профессора и в дальнейшем такой эксперимент не повторяла. Как мне потом сказали сами студенты, пять курсов в семестр брать, в принципе, можно, это максимум для тех, кто хочет закончить свою учебную программу быстрее, но, тем не менее, такая учебная нагрузка не рекомендуется, потому что это действительно очень сложно психологически и тяжело выдержать физически.

Меня же спасло то, что я не являлась обычным студентом и мне не нужно было сдавать экзамены. Я посещала курсы, как вольный слушатель, но старалась выполнять все требования, которые предъявлялись преподавателями. Таково было желание моего руководителя, который мне очень помогал своими советами на протяжении всех трех лет данной программы. Следует сказать, что я прослушала в общей сложности десять курсов в течение трех лет, большая часть которых была по образованию, так как я все-таки была прикреплена к колледжу по образованию, а также были курсы по исламу и социолингвистике. К концу программы у меня не было ни малейшего сожаления ни об одном прослушанном и изученном курсе, наоборот, я приобрела неоценимые знания и навыки, которые сделали меня практически совершенно другим человеком. Здесь «ломка» означала некий личный кризис, пережитый в образовании, и если он пройден успешно, то в дальнейшем открываются новые горизонты для собственного развития и самосовершенствования.

Сразу считаю необходимым рассказать о том, что каждый курс был по-своему уникален и неповторим, что, собственно, и характеризует децентрализацию американского высшего образования. Такая уникальность надолго западает в душу и забыть ее не удастся даже по прошествии нескольких лет. У каждого преподавателя свои особые требования и методика преподавания, которые ни за что не спутаешь с другими, несмотря на существующее разнообразие в образовании. В этом, наверное, и заключается парадокс современного образования: несмотря на его массовость, формируется и воспроизводится некая его эксклюзивность, которая сохраняется в индивидуальной учебной памяти.

Первый курс, с которого я хотела бы начать, был курс по сравнительному образованию. Американцы используют термин «класс» вместо «курса», поэтому и я, скорее всего, буду использовать его в дальнейшем. Класс по сравнительному образованию явился для меня основным в течение первого года программы. К такому выводу я пришла к концу семестра, когда нужно было подводить итоги моей учебы. Хотя, честно признаюсь, в начале было нелегко, и я даже просила своего руководителя помочь с дополнительной литературой для лучшего освоения курсов по образованию. Это был, как я для себя определила, шок от образования, из которого мне пришлось искать выход самостоятельно, потому что руководитель сказал мне, что я должна сама для себя определить, что я хочу знать и как этого достичь. И я стала искать и, в конечном итоге, нашла. На этом опыте я убедилась лично, как образование учит самостоятельности. Мне приходилось часами искать и просматривать большое количество литературы по западному образованию, решать и выбирать, что для меня являлось наиболее важным.

Класс по сравнительному образованию представлял собой семинар, на который ходили как бакалавры, так и магистранты с докторантами. Как мне потом объяснили, когда курс начинается с цифр «4» или «5», то это смешанный курс, куда помимо гредуэйт (graduate) студентов (магистранты и докторанты), также допускаются старшекурсники бакалавриата. Другими словами, это наиболее продвинутый курс для бакалавров и рекомендуемый общий курс для студентов постбакалавриата. Семинар длится 2,5 часа с небольшим перерывом в середине занятия. Еще одна особенность семинара – на него могут записаться не более 15-ти студентов. Требования к студентам бакалавриата и постбакалавриата отличались: конечно, у магистрантов и докторантов их было больше, чем у тех, кто только получал высшее образование.

Данный класс по сравнительному образованию имел одну специфику: он был ориентирован на изучение институтов образования в азиатском и африканском регионах. Каждую неделю на протяжении двух часов студенты обсуждали и анализировали темы по образованию в Китае, Японии, странах юго-восточной Азии, на Ближнем Востоке и африканских странах. Мое состояние в первые недели посещения данного класса было сродни тому, как чувствует себя рыба, выброшенная на берег. От количества новой информации у меня буквально кипели мозги, я не знала и не понимала, о чем говорят преподаватель со студентами. И дело здесь было не столько в понимании английского, а в

том, что я не понимала суть аудиторных дискуссий. Они говорили о различных теориях, их влиянии на образование, какие-то имена были для меня знакомыми, какие-то я слышала впервые. Я просто терялась в этом водовороте мыслей и суждений. У меня начиналась паника от всего этого недопонимания, мне приходилось помногу часов сидеть в библиотеках, где я искала и читала то, о чем говорили на семинаре. Это и был тот дополнительный самостоятельный поиск, о котором я писала выше.

Конечно, я много читала, хотя далеко не сразу привыкла к подходу, когда дают читать статьи по образованию в разных странах и необходимо провести сравнительный анализ по системе образования, например, в Японии и Шри-Ланке. Здесь следует особо отметить то, каким образом приобретается и используется учебная и научная литература во время учебы в американских университетах. Для каждого курса предлагается от трех до пяти книг, которые приобретаются студентами в университетских книжных магазинах, а также для каждого занятия в силлабусе перечислены журнальные статьи, которые можно найти в открытом доступе, предоставляемом университетом. Если статья новая, или это глава из книги, то преподаватель ее сканирует и выкладывает ее в электронной системе Блэкборд (Blackboard), что дословно означает «доска» и где могут храниться различные учебные материалы. Авторские права в Америке строго соблюдаются. Каждый курс, проводимый в том или ином семестре, имеет свою отдельную страницу, доступ к которой имеет профессор и зарегистрированные на данный класс студенты. Данная система многофункциональна, в ней студенты могут общаться между собой и преподавателем, обмениваться информацией, выкладывать свои работы для обсуждения.

Отдельно следует сказать о книжных магазинах, где приобретается литература. В кампусе университета Кентукки таких магазинов два: один принадлежит самому университету, другой – студенческий. В университете много студенческих объединений и ассоциаций, которые не только представляют интересы различных студенческих групп, но также занимаются экономической деятельностью, имея магазинчики, кафе и такие книжные магазины. Такая деятельность позволяет студентам самостоятельно проводить свои мероприятия в кампусе. Цены на книги в студенческом магазине ниже, чем в университетском, что позволяет немного сэкономить на покупке литературы, канцелярских товаров и сувениров. Книги можно брать в аренду или возвращать обратно после завершения семестра, но уже, конечно, за более низкую цену.

Я приехала немного позже и не сразу поняла систему книжных магазинов. Приобрести книги мне удалось не по всем классам, потому что, когда я наконец дошла до этих магазинов, они закрылись. Учебники и книги не продаются весь семестр, эти отделы открыты примерно месяц и затем закрываются, когда считается, что все студенты определились со своими классами и приобрели нужные им книги. Мне пришлось искать книги самой, что-то я нашла в библиотеке университета, что пришлось заказывать. Управление такими магазинами предполагает отдельный менеджмент, когда книги ищутся и заказываются через различные издательства и другие организации, затем они

доставляются в кампус, в конце семестра забираются и перераспределяются вновь. Причем, этим занимаются не только эти два книжных магазина, я видела несколько магазинчиков, предлагающих услуги по покупке и продаже академической литературы. Иногда это были сами студенты, которые могли просто выйти на улицу, поставить стол и написать объявление, что они выкупают книги по более выгодной цене, и обычно это происходит в конце семестра. В результате такой конкуренции студент может выбирать где ему лучше покупать и продавать свою учебную литературу. Я не говорю уже о том, что вопрос обеспеченности литературой, которая у нас является довольно острой, в западных университетах снимается такой отлаженной системой книгообеспеченности.

О библиотеках стоит рассказать отдельно, потому что они функционируют совершенно по-другому, чем у нас. Книги в университетских библиотеках находятся в открытом доступе, что означает самостоятельный поиск студентами нужных им книг. Система поиска и учета книг полностью автоматизирована. Книги выдаются сроком на семестр и их количество неограничено. Библиотеки могут выполнять различные функции от учебных до рекламных. Главная библиотека университета Кентукки является основным местом для самостоятельной подготовки студентов к занятиям, на всех этажах есть различные зоны, где можно готовиться как самостоятельно, так и группами. Библиотекой могут пользоваться не только студенты, но и жители города Лексингтон. Там же в библиотеке можно найти классы по изучению английского языка и обучению академическому письму. Главная библиотека работает круглосуточно в будние дни, и особенно напряженные периоды наступают в период сдачи экзаменов. В это время библиотека устанавливает особый режим в выходные дни, когда рабочее время максимально увеличивается. В такое время библиотека напоминает муравейник, найти свободное место практически невозможно. Также библиотека служит хорошим средством для рекрутинга будущих студентов университета. Я часто видела экскурсии в главную библиотеку, которые проводились для старшеклассников и надо думать, что приезжали они из разных городов и штатов страны.

Особо следует рассказать о системе межбиблиотечного обмена, который практикуется американскими и европейскими университетами. Если искомой книги не оказалось в библиотеке, то ее можно заказать из другой библиотеки. Для этого достаточно оставить запрос на сайте библиотеки, и когда книга приходит, вас сразу же оповестят по электронной почте. Для меня этот опыт ассоциировался с чем-то необычным и загадочным. Только можно представить, сколько людей задействовано в этом процессе: библиотекарь ищет ближайший университет, где находится запрашиваемая книга, шлет туда запрос. Библиотекарь из другой библиотеки находит ее и отправляет в университет Кентукки. Остается неизвестным, через сколько рук она проходит при пересылке. В конечном итоге, она доходит до требуемого места и выдается студенту или преподавателю. Для меня же этот процесс сводился к заполнению небольшой формы запроса на сайте библиотеки и приходом в библиотеку, чтобы забрать книгу. Такой

услугой я пользовалась несколько раз, книги доходили обычно в течение недели, и один раз книга была доставлена даже из Германии. Но такие книги выдают только на месяц и на специальной бумаге указывалось, можно ли продлить данную книгу еще раз или нет. Причем, заказывать можно было не только книги, но и периодику, диссертации, видео и аудио материалы.

Вернемся к классам. Вторым, не менее значимым, классом для меня явился курс по глобальному образованию, СМИ и популярной культуре. Этот класс явился для меня важным, потому что изменил и сформировал новый для меня исследовательский фокус. Хотя, когда мой руководитель предложил мне данный курс, у меня были сомнения относительно необходимости этого класса для меня. Мне казалось, что я давно все знаю про глобализацию и ничего особенного в этом для меня нет. Спустя месяц я перестала так думать. Я поняла, что у меня было довольно много стереотипов о глобализации, которые были развенчаны во время непосредственного изучения глобализации, роли образования в данных процессах, а также влияния СМИ и популярной культуры на глобальное образование.

Считаю необходимым рассказать о профессоре, которая вела этот курс. Ее требования были довольно высокими, потому что на каждое занятие она давала на прочтение до десяти статей, общее страниц которых иногда доходило до 300. Такой большой объем статей объяснялся, по-видимому, тем, что курс предназначался только для магистрантов и докторантов, для которых требования резко возрастают по сравнению с бакалавриатом. К таким курсам относятся те, которые начинаются с цифр «6» или «7». Для меня такой объем для прочтения был чем-то нереальным и ужасным. Я далеко не сразу смогла это осилить. Видно, и профессор это понимала, поэтому распределяла темы занятий среди студентов. Каждый студент должен был за неделю прочесть все статьи или целую книгу, составить вопросы для обсуждения на семинаре и предварительно разослать всей группе и, конечно, самому преподавателю. На самом же занятии этот студент выполнял роль некоего ведущего, который делал краткий обзор статей или одной целой книги и начинал вести дискуссию. Можно сказать, что он выполнял роль модератора, по-английски же это звучало как «designated driver».

Этот курс запомнился еще тем, что однажды профессор пригласила на одно занятие свою студентку, которая посещала когда-то ее курс и проводила исследование, которое непосредственно относилось к курсу по глобальному образованию. Молодая женщина презентовала результаты своей работы, которые касались изучения того, как подростковые глянцевого журналы влияют на формирование гендера у старшеклассниц. Если говорить о самом классе, то такие исследования должны были презентовать все студенты, что они и делали к концу семестра. Последние занятия были посвящены таким презентациям и их обсуждениям. Темы были разные, и что особенно запомнилось, так это то, что все студенты прекрасно справились со своими работами, свободно использовали теорию при анализе своих исследований. Я узнала много нового и интересного о том, как

СМИ и популярная культура влияют на молодежь. В дальнейшем, эта тема меня сильно заинтересовала, потому что открыла для меня совершенно новую грань в социальных науках, когда медиа, телевидение и популярная культура влияют на формирование молодежной идентичности.

Рассказ о классе по глобальному образованию был бы неполным, если не упомянуть о том, что профессор не использовала систему Блэкборд, потому что она ей не нравилась. И что удивительно, использование этой системы для преподавателей не являлась обязательной для всех, как это имело бы место у нас. Профессор отбирала для своих занятий такие статьи, которые можно было найти в электронной журнальной базе университета. Если же таковых не было, она рассылала такие статьи по электронной почте студентам группы. В течение всего курса студенты писали две письменные работы и большую исследовательскую работу, которая представляла собой нарративное изложение того, что студенты презентовали на последних занятиях. Примерно по такому алгоритму учатся в постбакалавриате американского вуза и, возможно, во всех университетах Америки и Европы.

Следующим особенным курсом был специальный семинар по высшему образованию в США с фокусом на переходный период из школы в университет. Этот курс тоже предназначался только для магистрантов и докторантов. То, что для наших университетов не является особо важным и решается преимущественно самими студентами и их родителями по окончании школы и при поступлении в университет, в Америке постоянно изучается и анализируется, потому что такой процесс подразумевает кардинальные изменения в жизни каждого абитуриента, который покидает семью, начинает учиться в университете и делает свои первые шаги в самостоятельной жизни.

Этот курс мне запомнился тем, что профессор приглашала представителей различных университетских служб: от отдела рекрутинга до стипендиальных образовательных программ. Такие встречи были чрезвычайно интересны, потому что давали представление о том, как работают службы по привлечению потенциальных студентов в университет Кентукки, как работают с новыми студентами и помогают им адаптироваться к жизни и учебе в университете, какие стипендиальные программы действуют при университете, кто может на них претендовать и получить высшее образование в будущем.

Первой большой встречей была беседа с представителями рекрутинга, который занимается не только привлечением студентов в университет, но и другими, не менее важными вопросами, такими как помощь абитуриентам (их называют «freshmen» - новички), работа с их родителями и самое главное – как удержать студента в университете. Рынок высшего образования в США очень обширный, и между университетами существует высокая конкуренция, поэтому удержать студента не так-то просто. Директор отдела рекрутинга был молодым человеком, который получил докторскую степень в области управления высшим образованием и темой его

исследования являлась как раз изучение процесса рекрутинга и удержания студентов. Он рассказал, что университет Кентукки в первую очередь ориентируется на молодежь среднего класса близлежащих штатов: Огайо, Теннесси, Пенсильвания, Атланта, Миссури и других. Отдел продлевает огромную работу в течение года, они много разъезжают, проводя рекламные компании в различных городах. Но, по словам директора, привлечь молодых учиться в их университете – это полдела, гораздо сложнее удержать студентов в нем для продолжения и завершения учебы. Американцы очень мобильны, а молодые американцы, видимо, подвижнее вдвойне, но директор с гордостью рассказал о том, что процент удержания студентов в университете Кентукки довольно высокий. Их службой постоянно проводится мониторинг по изучению того, сколько студентов остаются в университете и заканчивают его. Оказалось, что, в среднем, 9 из 10-ти студентов предпочитают закончить университет Кентукки.

Думаю, что в вопросе удержания студентов играют множество факторов: от развитой инфраструктуры до актуальных и востребованных учебных программ и специальностей, которые предлагаются университетом. Также немаловажную роль играет спорт. Университет Кентукки имеет сильную студенческую мужскую команду по баскетболу. Во второй год программы мне посчастливилось быть свидетелем победы университетской команды в национальном студенческом чемпионате по баскетболу среди мужчин. Маленький городок практически разрывался от победных эмоций, город не спал и гудел всю ночь, фанаты поджигали автомобили и старую мебель. Нам советовали не выходить ночью на улицу в целях безопасности, потому что кампус был переполнен пьяными студентами.

В университете много команд по различным видам спорта, но баскетбол является главным средоточием всеобщего внимания, потому что он чрезвычайно популярен в США, приносит высокие доходы и служит для многих студентов пропуском в клубы НБА. Здесь также немаловажную роль играет рекрутинг, но занимаются этим тренеры команды, которые разъезжают по школам всей страны в поисках молодых талантливых спортсменов. Таким студентам предоставляют стипендию для обучения в университете, поэтому в командах, чаще всего, играют студенты первых и вторых курсов. Можно сказать, что университет и его знаменитая баскетбольная команда являются некой основой, на которой формируется локальная идентичность у студентов и жителей города. Это проявляется в том, что, выходя за пределы кампуса, вы будете постоянно встречать людей, одетых в одежду с символикой университета, в магазинах и домах вы обязательно увидите что-то сине-белое – сочетание цветов, которые символизируют университет Кентукки и его команду Диких Кошек (Wild Cats). От этого вы не сможете скрыться нигде, потому что это будет окружать вас постоянно.

Вернемся к занятию. Вместе с директором на встречу пришли две его помощницы, в обязанность которых входила работа с новыми студентами и их родителями. В первые недели в университете, как и во всех других американских вузах, проходят Дни

ориентации, на которых вчерашним школьникам разъясняют структуру и правила университета, знакомят их с кампусом, объясняют и помогают выбирать классы. Ежегодно университет Кентукки принимает в свои ряды 5-6 и более тысяч студентов. Также, раз в год проводится Родительский день, когда на выходные к детям приезжают их родители. Такие встречи помогают университету держать связь с родителями студентов, знакомить их с университетом и его представителями. Можно только представить, какую сложную работу выполняет этот отдел, чтобы пригласить и организовать встречу сотен семей на территории кампуса.

Вторым, не менее интересным занятием была встреча с представителями стипендиальных образовательных программ, которые действовали при университете Кентукки. Это занятие оставило в моей памяти неизгладимое впечатление, которое впоследствии вылилось в написание статьи о том, что означает принцип равных возможностей (An Equal Opportunity University) в американском высшем образовании. Другими словами, это означает социальную направленность университета, который не делает различий и не дискриминирует людей по возрасту, классу, расе, гендеру, этничности и религии, если они хотят получить образование, а также помогает представителям социально уязвленных групп получить высшее образование, предоставляя им безвозмездные гранты. За три года программы я встречала много студентов в университете, обучающихся по таким грантам.

Четвертым классом был курс по социолингвистике, у него было довольно длинное название «Вопросы социолингвистики в современной России и государствах бывшего Советского Союза». Я попала на этот курс совершенно случайно, меня пригласили на него в качестве представителя Казахстана, когда-то входившего в СССР. В дальнейшем я ни разу не пожалела, что взяла этот класс, открывший значимость языка в социальном пространстве, в частности, в постсоветских странах. Этот курс начинался с «4», что означало возможность посещения данного класса студентами всех уровней, а также были и вольные слушатели, те, кого интересовала Россия и кто изучал когда-то русский язык.

Когда я летела в Лексингтон, я думала, что, наконец, попаду в американскую глубинку, где никто не знает русского языка, и я смогу значительно улучшить свой английский. Каково же было мое удивление, когда я встретила профессоров с кафедры славистики, говорящих по-русски практически без акцента. Позднее, я открыла для себя русскую диаспору в Лексингтоне, которая образовалась из русских и украинцев, эмигрировавших не только из России и Украины, но также я встречала людей, приехавших из Узбекистана, представлявших собой новую волну русской эмиграции из Центральной Азии. На кафедре славистики действовал Русский клуб, куда я периодически ходила, они отмечали много праздников, знакомые мне с детства, на них приходили не только студенты и преподаватели, но представители русскоязычной диаспоры с разных городов штата Кентукки.

Когда я пришла на кафедру русских исследований (Russian Studies) в первый раз, они сразу задали мне вопрос, немного послушав меня: «Вы учились в русской школе?» Я была поражена: «Как вы узнали???» - «Потому что у вас, если так можно выразиться, «чистый» русский язык без каких-либо диалектических примесей, который можно приобрести только в системе образования». После этого я не могла не пойти на класс по социолингвистике.

Этот курс мне запомнился еще тем, что его вели два профессора-слависта. Такое ведение занятий вполне возможно, но более всего мне запомнился дом, где проводился данный класс. Это был старинный, когда-то жилой, дом, практически на окраине кампуса и недалеко от центра города, который перешел в собственность университета и частично переоборудованный в небольшие учебные аудитории. Как-то в холле этого дома я увидела письмо, висящее в рамке под стеклом, в котором городская администрация выражала благодарность университету за сохранность исторического наследия города. В этом же доме Русский клуб университета периодически проводил свои мероприятия.

В течение этого класса у меня возник еще один исследовательский интерес, касающийся языковой политики и ее влияния на образование в Казахстане. Язык играет одну из основополагающих ролей в обществе, язык тесно связан со всеми социальными институтами, язык является политическим вопросом, язык – это не только текст и коммуникация, язык неразрывно связан с обществом, экономикой, культурой – это те животрепещущие темы, которые изучались и обсуждались на курсе по социолингвистике. Другими словами, для меня открылся еще один интересный мир – мир языка, который мог много рассказать о той или иной стране, как она меняется и развивается. Такой лингвистический анализ может много рассказать об обществе и дать огромную пищу для размышлений.

Завершающим курсом первого года стал класс по изучению политической мысли ислама, который я прослушала только частично, так как одно занятие этого класса совпадало с другим, с семинаром по высшему образованию. Данный курс был лекционный, то есть читался только для студентов бакалавриата и начинался с цифры «3». Если семинар идет 2,5 часа один раз в неделю, то лекционные курсы могут вестись в двух форматах: три раза в неделю по 50 минут или два раза в неделю по 75 минут. В то же время лекции в американском вузе не проводятся в виде монотонных занятий, как это имеет дело у нас. Западный подход к лекциям существенно отличается от наших стандартов, потому что использует активные методики обучения и преподавания. Профессор использует не только и не столько технические средства, можно сказать, что границы между лекцией и семинаром стираются. Главным действующим лицом является не только один преподаватель, но и вся аудитория в целом. Во время занятий идет постоянный диалог между студентами и преподавателем, причем здесь не идет речь о проверке знаний, а имеет место дискуссия и обсуждение. Чаще не преподаватель задает вопросы студентам, а студенты спрашивают преподавателя, высказывают свои мнения и могут это делать

вполне открыто. У нас же считается, что такая методика преподавания неприемлема для наших студентов, что влечет за собой дезактивацию последних, которые привыкли держать свое мнение при себе, тем более, если оно не совпадает с позицией преподавателя. На мой взгляд, такое положение дел не может способствовать развитию как студентов, так и преподавателей, отсутствует взаимодействие и обратная связь. Наш преподаватель предпочитает говорить один и предпочитает, чтобы студент молчал. Только позиция преподавателя считается правильной, другие мнения не признаются и не учитываются. Такой подход не может являться правильным, потому что не позволяет студентам раскрыться и проявить себя.

Помимо занятий в первый год программы у меня было много встреч и знакомств с разными людьми. Нас приглашали в гости, я встречала много людей с бывшего союза, посещала различные мероприятия. Можно сказать, этот год был перенасыщен для меня не только учебой, но и расширением социального пространства в небольшом городке под названием Лексингтон. Я бы хотела рассказать еще о нескольких моментах, которые меня удивили и принесли новый опыт в изучении американской академической жизни.

В конце семестра два профессора колледжа по образованию, к которым я ходила на семинары, провели свои последние занятия у себя дома. Это было довольно необычно для меня – общение с профессором и группой в неформальной обстановке, когда подводились итоги курса, шел обмен мнениями, вместе готовили еду и таким образом ближе узнавали друг друга. Следует сказать, что в конце каждого класса студентам выдавали небольшую анкету, где каждый мог оценить пройденный курс, самого профессора, методику преподавания и даже дать свои рекомендации по улучшению читаемого курса в будущем. Хотя мне было необязательно заполнять такую анкету, я всегда просила и для себя лишний экземпляр, чтобы выразить свою благодарность за прослушанный курс. Хотя позже мне говорили, что студенты не всегда так благосклонны к своим преподавателям и довольно критичны в своих оценках, но для меня каждый курс был открытием, который давал много новых знаний об образовании, языке и религии. Я медленно, но верно училась справляться со всем новым и на своем личном опыте убеждалась в том, что образование меняет, трансформирует человека. Это действительно трудно. Многие мои друзья и знакомые, учившиеся в Америке, говорили то же самое, что переживала и я. Поэтому я не была одинока в своем плавании.

Еще один яркий момент, который, возможно, запал в мою душу навсегда, был связан с моим небольшим путешествием в Восточный Кентукки во время недельных каникул, которые проходят в середине семестра после сдачи промежуточных экзаменов в университете. Международный отдел университета имеет хорошую традицию устраивать двухдневную поездку в восточную часть штата, которая имеет не только познавательную, но благотворительную цели. Восточный Кентукки является наименее экономически развитой частью штата, мне рассказывали жуткие истории о жизни бедных районов

Кентукки, но мне так и не удалось увидеть их собственными глазами, но косвенно я соприкоснулась с этим во время нашей поездки в другую часть штата.

Поездка предназначалась только для иностранных студентов, чтобы они могли узнать больше о Кентукки, его природе и достопримечательностях, также рассказать детям о своих странах. По сути, в этом выражается и проявляется практика межкультурной коммуникации в американской академии. Нас собралась небольшая группа из восьми человек – студенты преимущественно из азиатских стран (Китай, Малайзия, Казахстан, Ливан и Египет) и два представителя международного отдела университета. В первый день нас ожидала экскурсия в горы. Также мы посетили первое заведение знаменитой сети быстрого питания KFC (Kentucky Fried Chicken), которая становится популярной и в нашей стране, но, как мне сказали местные, сами американцы не любят KFC, прославивший этот штат в глобальном масштабе. Во второй день мы рассказывали о своих странах детям начальных классов одной из государственных школ Восточного Кентукки.

Я рассказывала о Казахстане детям трех классов и заметила одну особенность: чем младше дети, тем больше у них было интереса к чему-то новому, чем старше – тем они равнодушнее. Тем не менее, дети готовились к нашему приезду, нечасто к ним приезжали представители из далеких стран. Детскими рисунками об университете Кентукки и странами, откуда они ждали гостей, были украшены почти все стены школы. Было приятно и неожиданно увидеть государственный флаг Казахстана, нарисованный детскими руками, тем более, я понимала, что дети услышали об этой стране впервые.

В целом, маленькие школяры были приветливыми и открытыми. Как нам рассказали позднее, многие из них были из благополучных семей, что являлось распространенным явлением в Восточном Кентукки. Меня очень растрогал момент, когда во время обеда, а обедали мы вместе с малышами, ко мне подошла маленькая девочка и просто обняла. Я испытала небольшой шок и с трудом смогла сдержать слезы, ребенок был явно лишен родительского внимания у себя дома, и общение с людьми из других стран дало ей возможность хоть ненадолго почувствовать их теплоту по отношению к себе в тот день.

Эта поездка дала многое мне понять. Образовательные гранты, предоставлявшиеся университетом Кентукки для молодых людей данного региона, и о которых я узнала на семинаре по высшему образованию, вносили определенный вклад в устойчивое развитие своего соседа, когда молодые девушки и парни, получив высшее образование, возвращаются обратно и вносят ощутимый вклад в развитие своего города или общины. Следует отметить, что в Восточном Кентукки есть также свои колледжи и университеты. Другим немаловажным аспектом этого небольшого путешествия был опыт волонтерства и благотворительности, которые учат состраданию и стремлению помогать другим людям, особенно детям.

Хотелось бы завершить рассказ о первом годе программы поездкой на конференцию в столицу США, Вашингтон, хотя событий было значительно больше, но рассказать обо всем, конечно, невозможно. Конференция была организована программой FDFP, на которой встречались все участники программы – новички, продолжающие и завершающие проект. Наша группа являлась, конечно, новичками. Я бы предпочла рассказать о самом городе Вашингтон, чем о конференции, потому что этот город я посетила впервые, и он оставил в моем сознании много воспоминаний о столице США.

Пробыв в Вашингтоне всего несколько дней, я поняла, что представляет собой столица американского государства, потому что этот город полон государственными символами, которые поражают своими размерами и четким территориальным распределением. Все важнейшие государственные здания и достопримечательности находятся рядом друг с другом, мы ходили по городу, в основном, пешком. Столица также дает понять, кто сыграл основную роль в истории становления американской государственности: безусловно, это первый ее Президент Джордж Вашингтон; Авраам Линкольн, объединивший север и юг страны и Томас Джефферсон, памятники и мемориалы которых находятся рядом друг с другом и вполне обозримы, когда вы находитесь около одного из них. Такое расположение политических символов вольно или невольно дает возможность прочувствовать историю американской государственности самостоятельно. В этом случае не всегда обязательно слушать, что вам говорит экскурсовод, важнее увидеть, что вас окружает. Символы тоже могут говорить, и делают они это лучше, чем чьи-то слова и рассказы, так как воздействуют не на разум, а на чувства.

Впечатлений о столице осталось много, потому что город пронизан различными символами, историческими и современными. Вашингтон нетороплив, степенен, размерен и оставил в моем сознании много неизгладимых впечатлений. Первый год программы подходил к концу, была адская усталость от четырех месяцев постоянного напряжения, которая копилась от стрессов, получаемых во время учебы, знакомствами с новыми людьми и различными местами. Мне казалось, что я постепенно всплываю на поверхность, но потом я поняла, что это не так, впереди ждали новые испытания, хотя, так или иначе, приходило осознание, что что-то внутри меня уже изменилось. Разум испытал сильный кризис и со скрипом восстанавливался, и, однозначно, это уже был другой разум, совершенно непохожий на прежний.

Год второй: Погружение в гендер

Если к концу первого года программы я начинала потихоньку всплывать на поверхность, то во второй год я снова погрузилась в новое для меня знание, которое вызывает у наших людей неоднозначные реакции. Это был гендер, причем я изучала его с двух сторон, со стороны образования и религии, взяв курсы «Гендер и образование» и «Женщины и ислам». До этого времени у меня были только общие представления о гендере и лежали они в области философии. Я никогда не думала, что начну заниматься гендером отдельно,

гендерные исследования не входили в число моих научных интересов в прошлом, но, учась в Америке, пройти мимо гендера невозможно. Так или иначе, зримо и незримо, он присутствует во всех социальных науках, потому что гендер неразрывно связан с обществом.

Класс по гендеру и образованию вела профессор, у которой я прослушала ранее курс по глобальному образованию. Ее требования практически не изменились, но кое-что я узнала новое, касающееся ее преподавательских подходов. Когда на первом занятии студентам было предложено выбрать тему, которую они бы хотели модерировать на будущих семинарах, один из студентов спросил ее: «Вы не раздаете темы сами? Почему?» На что был получен следующий ответ: «Это не в моих правилах – навязывать студенту ту или иную тему. Я предпочитаю свободный академический стиль преподавания и обучения». Но видно что-то студента все равно не устроило, больше я не видела его на занятиях.

Необходимо уточнить еще одну особенность западной кредитной технологии обучения в вузах: студенты не только выбирают сами курсы, но могут поменять его в течение первых двух недель семестра. Такие передвижения студентов довольно распространенное явление в американских университетах. Также немаловажным аспектом является отсутствие студенческой группы, когда студенты записываются на тот или иной класс, и на каждом курсе они учатся в разных группах. У нас же до сих пор сохраняется явление студенческой группы, когда студенты на протяжении нескольких лет постоянно учатся с одними и теми же людьми. Соответственно, наличие постоянной академической группы не позволяет реализовать выборность курсов в полной мере, потому что они привязаны и зависят только от одной группы. В американском университете на курс могут записаться студенты разных факультетов и специальностей, если будут считать, что тот или иной курс будет им важен и полезен. Поэтому на одном курсе могут сидеть студенты, изучающие высшее образование, социологию, связи с общественностью и даже сельское хозяйство.

Еще особо хотелось бы рассказать о том, что требования по курсу и силлабусы у каждого профессора индивидуальны. В этом проявляется разнообразие учебного процесса, и составляет важную сторону децентрализации высшего образования. Каждый департамент постоянно работает над тем, как улучшить и усовершенствовать свою учебную программу, сделать ее уникальной и непохожей на другие. В этом проявляется не только ее конкурентоспособность, как часто об этом говорят у нас, но и стремление обеспечить равные условия в получении образования. В наших представлениях часто доминирует мнение, что лучше учиться в престижных университетах и такое ранжирование часто обделяет провинциальные вузы. В США различия между центром и периферией в системе высшего образования стерты, несмотря на то, что их крупные и знаменитые университеты постоянно указываются в различных рейтингах. Это совершенно не означает, что качество образования в периферийных вузах ниже, чем в известных престижных. В этом я убедилась лично, проучившись в университете Кентукки на протяжении трех семестров.

Наряду с общими рейтингами университетов, существует рейтинг факультетов (школ), когда в первую десятку или двадцатку могут входить факультеты различных вузов, не только престижных. Например, в университете Кентукки такими лидерами выступают факультеты фармации, общественного здравоохранения и международных отношений (данные 2012-2013 годов), которые с гордостью вешали об этом со стен своих зданий в виде огромных плакатов, не заметить которые было просто невозможно.

Вернемся к гендеру и образованию. Этот курс позволил мне многое узнать о том, как гендер формируется в системе образования. Гендерные различия конструируются еще с детских садов и заканчиваются в университете. Я прочитала много работ о том, как образование формирует гендерную идентичность у девушек и парней с раннего возраста и до взрослой жизни. Эти процессы изучаются на материалах учебных планов, правилах ношения одежды, спортивных играх, студенческих газетах, фотографиях, фильмах и многом другом. Причем, гендерные различия изучаются не только среди тех, кто учится, но и тех, кто учит. То, на что мы обычно не обращаем внимания, на Западе является одним из многих исследовательских фокусов в социальных науках.

Необходимо сказать, что у профессора, которая вела данный класс, как раз вышла по теме курса. Книга называлась «Королевы академии», в которой были выложены результаты ее многолетнего исследования о студентках, участвовавших и победивших в конкурсах красоты различных американских университетов. Было интересно узнать, что оказывается одной из таких победительниц была мать нашего профессора, фотографию которой она нашла в одном из университетских архивов, работая над своим исследовательским проектом. Я побывала на презентации книги в одном небольшом книжном магазинчике города и приобрела эту книгу с личным автографом автора.

Другим гендерным курсом был класс о женщинах и исламе, который вела молодая девушка из Палестины, только что получившая докторскую степень по литературе в одном из американских университетов и приехавшая работать в Лексингтон. Она приехала на учебу в Америку из города Наблус, который находится на Западном берегу Палестинской автономии. Молодой профессор ходила в хиджабе, прекрасно говорила на английском языке, и ее курс строился преимущественно на изучении литературного наследия арабских женщин, но были и другие темы для изучения. Курс предназначался для бакалавриата и начинался с цифры «3». Силлабус содержал различные темы от исторических до современных.

Отдельно хотелось бы рассказать о мусульманской диаспоре Лексингтона, потому что я встречалась с ее представителями не только на занятиях, но и на улицах города. В университете действовала ассоциация студентов-мусульман, которая была довольно активна и проводила различные мероприятия в течение учебного года. В городе функционировали две мечети и Исламский культурный центр. Возможно, какая-то часть мусульман в Лексингтоне уже родилась в США, но я также встречала представителей из

Ирана, беженцев из Сирии, Ирака и Палестины. Как я узнала позднее в одной из книг, большинство мусульман в Америке составляют афроамериканцы, выходцев из арабских стран на самом деле не так уж много.

Своеобразный литературный подход в изучении женщин в исламе на различных этапах истории был для меня совершенно новым. Я открыла для себя явление исламского феминизма, который распространен, в основном, в западных странах, в самих же мусульманских обществах такой феминизм не всегда признается и не приветствуется. Было интересно изучать положение женщин в различных исламских странах, их роль и влияние в обществе, культурные аспекты хиджаба, жизнь и творчество арабских писательниц и поэтесс прошлого и настоящего. На одном из занятий я дала презентацию о Казахстане, но студенты мало чем отличались от детей, которым я рассказывала о своей стране годом ранее. Никто не знал о Казахстане и услышал о нем впервые, но, тем не менее, задавали неожиданные вопросы, на которые не так-то просто было ответить.

Также я написала два небольших эссе во время данного класса, чем вызвала легкое недоумение у молодой преподавательницы, потому что для меня выполнение таких заданий не было обязательным, но я хотела глубже вникнуть в учебный процесс и испытать опыт образования лично, а не ограничиваться формальным обучением. Тем более, на таком непосредственном обучении настаивал мой ментор, которому я сейчас безмерно благодарна за его советы. И, наверное, главным результатом этого курса явилось то, что у меня возник сильный интерес к исследованию хиджаба и попытка проанализировать его феномен в Казахстане, где отношение к мусульманской одежде молодыми женщинами является довольно неоднозначным и спорным.

Изучая гендер, я постепенно научилась находить и определять различия между мужчинами и женщинами. Звучит, наверное, немного странно, потому что различия очевидны, но социальные науки изучают гендер в различных аспектах от искусства и религии до экономики и политики. В одной из классической теоретической статьи по гендеру я узнала о том, что мужчины создают доминирование в обществе, а женщины вносят в него различия. Впоследствии, такое разграничение между мужским доминированием и женскими изменениями я находила в самых необычных местах, будь это прогулка по улице или просмотр фильма.

Важным, на мой взгляд, результатом второго года программы явилось то, что рассмотрение и изучение гендерных различий стали присутствовать во всех моих работах и небольших исследованиях. Мои выступления на конференциях и семинарах в нескольких американских университетах стали содержать гендерный подход, будь то презентации по образованию, хиджабу, религии или молодежной культуре. Более того, это подвигло меня написание гендерных заметок, которые я периодически дополняю время от времени, когда имею возможность наблюдать за людьми в повседневной жизни. Следует сказать, что гендер вошел в мою жизнь, став неотъемлемой частью моих научных

интересов и повернув мой исследовательский взгляд на гендерный угол зрения, если так можно выразиться.

Еще одним курсом, на который мне удалось частично походить, был класс «Введение в методы оценивания», который проводился в колледже по образованию и который предназначался для студентов магистратуры и докторантуры. Мне не удалось посещать этот класс регулярно, так как курсы по методам обычно заполнены и на них не так-то легко попасть. В общей сложности, мне удалось посетить этот класс 4-5 раз по разрешению профессора.

В целом, можно сказать, что год выдался не менее насыщенным, чем первый. Помимо занятий и презентаций, у меня было два выступления на конференциях. Моя заявка, посвященная образованию, гендеру и исламу в Казахстане прошла конкурсный отбор для участия в съезде Ассоциации по изучению национальностей, ежегодно проводимом в Колумбийском университете. Я была очень рада встретить там наших казахстанцев, которые также участвовали в этой крупной конференции, что означало активное вовлечение наших ученых в международное академическое пространство. Вторым выступлением была презентация результатов небольшого исследования по глобальному образованию на конференции программы FDFP о том, как Интернет, СМИ и популярная культура влияют на формирование гендерных различий среди казахстанской молодежи, и каким образом глобальные и региональные аспекты распределяются среди рассматриваемых предпочтений у молодых людей.

Год третий: Встреча с нарративом

Вот и подошел завершающий год, время пролетело быстро и незаметно. В последний год программы хотелось подвести итоги и многое сделать. У меня сменился руководитель, потому что у прежнего ментора начался длительный проект, по условиям которого он уезжал в другую страну. Своего нового руководителя я знала, потому что посещала ее класс по сравнительному образованию в первый год программы, который стал в то время для меня основным. В этот раз мне посчастливилось походить на другой ее курс по качественным методам исследований.

Полностью данный семинар назывался «Передовые полевые исследования в образовании» и начинался с цифры «6», куда могли ходить только магистранты и докторанты. На этом курсе я впервые узнала о нарративе и стала изучать нарративные подходы в исследованиях по образованию. Позднее, ко мне пришло понимание того, что нарративные методы распространены в настоящее время во всех социальных науках и, можно сказать, что они соединяют в себе науку и литературу. Сложно точно сказать, социальные науки сблизилась с литературой, или же художественное слово и мировосприятие проникло в науки. Тем не менее, на сегодняшний день этот тандем определяет исследовательскую среду западной социальной критики.

Нарратив – это не только и не столько текст, он может совмещать в себе визуальность, звук, фото, историю, биографию и многое другое. Еще, что я вынесла из данного класса – это то, что нарратив представляет собой драму. Статьи и даже учебник по нарративным исследованиям содержали в себе жизненные повествования, полные трагизма и драматизма, что порой было трудно сдерживать слезы, читая их. Нелегко читать, что испытывает человек во время болезни, готовясь к смерти и рассуждая о своей жизни и обществе. Нарратив демонстрирует борьбу за выживание в социальном пространстве, борется ли это один человек, группа или сообщество.

Что еще я вынесла для себя при изучении нарратива – это то, что нарративный подход является искусством, искусством изложения, ход которого можно менять на усмотрение исследователя. Нарратив можно разрезать и нарезать частями, переставлять его, добавлять и уменьшать. Одним словом, нарратив напоминает искусство кино, когда временную последовательность можно менять и создавать иные дискурсы. Сложно определить, имеет ли нарратив структуру или нет. Скорее, нет, но, однозначно, нарратив – это искусство интерпретации, искусство ваяния слова или текста, где главным действующим лицом является человек, жизнь которого представляет собой глубокую драму, и которую он хочет поведать миру, чтобы он его услышал.

Известно, что качественные методы исследований в западных социальных науках разрабатываются давно, но нарративный подход начал распространяться сравнительно недавно, и, можно сказать, он позволяет по-новому реинтерпретировать современную историю. Историю, полную трагических изменений и мировых войн, которые получили воплощение в нарративе и таким образом помогают оживить память недавнего прошлого. Однозначно, этот курс сильно на меня повлиял, я научилась вычленять такие нарративы не только в книгах и статьях, но и в окружающей повседневности. Нарратив может соединять многое – от науки до кино, и может воссоздать что-то совершенно новое на основе прошлого, оживить прошлое, настоящее и будущее в социальных науках. Нарратив всегда задевает за живое, нарратив, как нерв человечности и гуманности.

В последний год программы я решила взять только два класса, но эти курсы оказались настолько значимыми для меня и будет без преувеличения сказано, что они оказались не менее важными, чем изучение ранее гендера или образования. Второй курс обозначался следующим образом: «Исламская цивилизация, часть II», где под частью II подразумевалось изучение исламских стран в колониальный и постколониальный периоды. Данный класс также запомнился мне не только своим содержанием, но также профессором, который вел этот курс, предназначавшийся для студентов бакалавриата и начинающийся с цифры «3».

Курс по исламской цивилизации ознакомил студентов, включая меня, с развитием исламских стран и обществ в постколониальный период, осветил многие вопросы о взаимодействии Востока и Запада, становление политического ислама в XX веке,

региональные особенности и насущные проблемы мусульманских сообществ в настоящее время. Также этот курс запомнился мне интересной методикой преподавания профессора, который вел этот курс. Постоянно шел контроль знаний в виде тестов и письменных заданий, но при этом курс также учил самостоятельности. На занятиях студенты дебатировали по различным темам. Одним словом, студенты были довольно активны, на лекциях постоянно шли дискуссии и высказывались разные, порой противоположные, мнения. Эти лекции мало напоминали лекции в нашем понимании, практически это были семинары, где главную действующую роль выполнял студент.

В этот завершающий год мне снова удалось выступить на двух конференциях. Одно выступление было в государственном университете Аризоны, который имеет огромный кампус и насчитывает свыше 70-ти тысяч студентов; второе выступление было снова на конференции FDFP. Прогресс был налицо, если учитывать то, что в первый год программы ни одна моя заявка на несколько конференций не прошла конкурсный отбор. О формате зарубежных конференций следует рассказать особо, потому что они имеют совершенно другой способ организации и проведения, чем у нас. Конференции начинают организовываться почти за год до ее начала, рассылается информация и объявляется окончательная дата приема заявок. Попасть на такие конференции не так-то просто, потому что необходимо пройти предварительный конкурс, где рассматриваются данные и тема выступления с краткой аннотацией потенциального участника. Если конкурс пройден успешно, то нужно готовить сам доклад. Текст выступления необходимо готовить заранее, но не для его публикации, а для отправления его на рассмотрение дискуссанта (оппоненту) секции, в которую вас включили. Целью западных конференций является не публикация, а участие в работе конференции, обсуждение исследований среди коллег и экспертов, собравшихся с разных стран.

Сама конференция проходит в довольно плотном и активном режиме. Продолжительность секций не более двух часов, где первая часть отводится прочтению докладов, а другая – их обсуждению, сначала с дискуссантом, а затем задаются вопросы с зала. Количество докладчиков на одной секции, в среднем варьируется от трех до пяти участников. Параллельно идут другие секции и часто довольно сложно определить, куда пойти, потому что выбор большой и успеть везде невозможно, что-то приходится приносить в жертву. На такой случай предусмотрен такой вариант, с чем я сама непосредственно сталкивалась и использовала: можно написать тому или иному участнику и попросить его доклад с заверением соблюдения авторских прав, если данные будут вами использоваться в дальнейшем. Конференции обычно идут с утра до вечера, с маленькими и большими перерывами. Итогом таких конференций является знакомство с новейшими исследованиями и специалистами в различных областях, обмен мнениями, дискуссии и обсуждения. Формат конференций также содержит проведение круглых столов и просмотр различных фильмов. Одним словом, такие конференции очень продуктивны, хорошо организованы и имеют четкую структуру проведения.

Заключение

Так прошли все три года программы – плотно, насыщенно, с массой различных впечатлений от услышанного и увиденного. За три года было накоплено много кардинально новых знаний, прослушано десять учебных курсов, было сделано несколько выступлений в различных университетах, включая университет Кентукки, было проделано много учебной и исследовательской работы. Можно сказать, что к концу третьего я не только смогла всплыть наверх, но и научилась немного плавать в этом глубоком академическом водовороте мыслей и теорий, открытий и исследований. Конечно, я не стала профессиональным «пловцом», но получила колоссальный опыт того, куда нужно плыть и что можно изучать. Однозначно, что за три года я стала другим человеком, научилась видеть то, что раньше не замечала и не обращала внимание. Повседневность стала моим постоянным полем для исследований. Я научилась запоминать и записывать свои мысли. Одним словом, мой исследовательский взгляд был отточен за три года программы.

В общей сложности мною было прослушано десять курсов, основную часть составляли классы по образованию, где я смогла открыть для себя социальную направленность образования не только в Америке, но и в других странах мира; влияние образования на формирование гендерных различий, а также исследовательские методы и подходы в изучении образования. Вторым важным учебным блоком явились курсы по исламу. Несмотря на то, что они предназначались для студентов бакалавриата, они также многому научили, научили рассматривать ислам с позиций гендера, политики и постколониальных исследований. И отдельно стоит курс по социолоингвистике, который внес не меньший вклад в мое обучение, потому что язык может многое поведать о том или ином обществе. Главным же результатом моего обучения, на мой взгляд, стало расширение и изменение моих научных интересов.

Таким образом, я на своем личном опыте убедилась, как образование может трансформировать человека, и здесь большую роль играют, конечно, наставники, профессора, у которых я училась на протяжении трех семестров. Самой большой радостью было услышать от своего первого руководителя слова поддержки и благодарности за мое усердие и большую проделанную работу за время учебы, но, думаю, что без него я бы не смогла сделать то, что проделала за все три года. Закончив программу FDFP и проучившись в университете Кентукки, я осознала, насколько важны институты образования для современных обществ, и как они влияют на их устойчивое развитие. Както в Казанском федеральном университете я встретила надпись, которая выражала то, что я прочувствовала и вынесла после окончания программы FDFP: «Меняйся сам – изменяй все». Это, действительно, так: образование меняет человека, а человек может изменить мир вокруг него, совершенствуя и делая его лучше для своего общества.